

ФАЮМ

(ФРАГМЕНТ КНИГИ, ГОТОВЯЩЕЙСЯ К ИЗДАНИЮ
В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «АЛЬПИНА.ПРОЗА»)

ЕВГЕНИЙ КРЕМЧУНОВ
Родился в Смоленске,
сейчас живет и работает
в Чебоксарах. Поэт, прозаик,
эссеист. Автор книги
стихотворений «Облако
всех», романов «Деление

на ночь» (2019, в соавтор-
стве) и «Волшебный хор»
(2023), повестей. Дванды
становился финалистом
национальной литературной
премии «Большая книга»
(2020, 2023).

Часть первая НАСТОЯЩЕЕ-ШТРИХ

5. *И удвоенные одного и того же равны
между собой.*
6. *И половины одного и того же равны
между собой.*
7. *И совмещающиеся друг с другом равны
между собой.*
8. *И целое больше части.*

Евклид

Начала. Книга I. Аксиомы, 5–8

1.

Пока молодой таксист, бодро поругиваясь, продирался через пробки из Пулкова к центру, Маруся безуспешно пыталась вообразить себе хоть сколько-нибудь правдоподобное объяснение произошедшему сегодня. Она листала на экране вверх и вниз переписку за неделю разлуки. И не находила там ничего особенного. Ни в одном сообщении не видела она даже крохотного ключа к пониманию. Надежда оставалась лишь на ту связку, что лежала во внутреннем кармане ее рюкзачка.

Илья дал их ей в первое общее утро, когда она надевала туфли в прихожей. «Не забудь, пожалуйста, ключи», – сказал он буднично, жестом указав

на тумбу трельяжа. Там лежало простое голое колечко с «таблеткой» от домофона и английским ключом от входной двери. (Уже потом Маруся сама купила к ним брелок в виде крохотной маски Вольто.)

Воспоминания менялись в голове быстрее, чем проспект за окошком такси, где ранняя весна была похожа на позднюю осень.

Ближе к Лиговке пробка на дороге неожиданно стала пожиже.

– Сейчас перекресток проскочим, там пошутрее пойдем, – бросив короткий взгляд в навигатор, сообщил таксист то ли пассажирке, то ли сам себе.

– Не спешите, пожалуйста. – Маруся вернулась мыслями в салон. И добавила, прохладно усмехнувшись: – Меня ждут дома.

2.

Посреди ночи вдруг стало вполтину меньше воздуха. Из илистой глубины чужого, невиданного им прежде сна Илья раз-другой безуспешно попытался ухватить неловким рыбьим ртом, и горлом, и грудью вдох порцией побольше, а потом распахнул глаза в темноту. Поначалу привиделось, что он провалился, а комната выросла вдвое, будто

чья-то чудовищная рука резко вытянула потолок, как поршень, на два с половиной метра вверх. Однако затем едва различимая в сумраке люстра медленно и невесомо приблизилась, пространство цвета черного янтаря обнаружило привычные размеры и улеглось в себе ровно. Сам же он, похоже, последние часы лежал как раз таки очень неудачно. Теперь вся левая половина тела затекла, а шея оказалась вывернутой куда-то вправо и вниз, да эдак вот и застывшей. Илья осторожно приподнялся, посидел, растирая онемевшие, чужеродные руку и ногу. Они казались приставленными к нему случайными и не очень понятно зачем нужными кусками. Илья встал, оперевшись на изножье кровати, и по стеночке поковылял в уборную. Вчера там перегорела лампочка, заменить ее сразу он поленился, отложив возню до утра, – и сейчас ему все приходилось делать ощупью.

Илья и его последний сон еще не до конца покинули друг друга. Сон был чужим и потому особенно неприятным. В привычной ночной тишине своей давно обжитой квартиры Илья медленно оттаивал теперь, протекая в себя оттуда, где лишь несколькими минутами ранее, вытянувшись к невидимому и ветреному утреннему небу, стоял ногами на узкой деревянной скамье, которую прежде годами протирали ягодицы школяров Водоходного училища. Виселицу сколотили наспех, без науки, и когда приговоренные уже поднялись на помост, выяснилось, что перекладина слишком высока и шеи, вишь, никак не достают до назначенных им петель. Искать веревки подлиннее, вязать заново казалось долгим. Послали в училище за скамьей, на которой теперь и стоял он с надетым поверх мешком, скрывавшим тело от головы до пояса. «Господи, да зачем это!» – вырвалось немое восклицание. Руки, накрепко стянутые ремнями, были прижаты к телу, ноги связаны у лодыжек. Но еще, помнится, оставалась возможность неловко покрутить головой – и тот, чей сон видел Илья, присматриваясь, узнавал сквозь щелочки в мешковине и ноги стоящих рядом на скамейке, слева и справа от него, и лица иных зрителей, реденькими рядами замерших в некотором отдалении. Надо было бы ему собраться с духом и еще раз на виду просить у них прощения – и у тех и у других. Но для этого не было уже ни голоса, ни вида, ни смирения, ни сил. Сколько ни молился, сколько ни храбрился тот человек во сне, а все же страх переполнял его. Особенно резко нахлынуло, когда углядел, как медленно направляется к их помосту здоровенный кат в длинной рубахе и черной

жилетке. Хотелось отчего-то подтвердить запомнить его неприметное, смазанное мужицкое лицо. Но в этот миг он вдруг словно бы провалился куда-то внутрь, и ему осталось вполтину меньше воздуха.

Не спеша пробравшись через освоенное пространство на кухню, Илья зажег наконец свет и тогда-то, наливая в кружку прохладной воды из кувшина, узнал по отражению в оконном стекле, что с левой стороны выросла у него на собственной шее вторая голова.

3.

Придя в себя, Илья вскочил на ноги и бросился в прихожую к зеркалу. Шелкнув выключателем, он принялся рассматривать то, чем теперь стал. Как безумец, ощупывал пальцами чужие волосы, чужую кожу, лоб, нос, уши, колкую щетину под носом и на подбородке. Легонько шлепнул по чужой щеке. Еще раз, чуть сильнее. Взял это в ладони за виски и попытался покрутить. Осторожно коснулся сомкнутых губ и брезгливо отдернулся. Голова тихо, едва заметно дышала вместе с ним, но глаза ее были закрыты, веки не подрагивали и никак не реагировали на прикосновения. И она была, она была, она была – настоящей. Илья чувствовал на себе ее прохладное и живое тепло – невозможное, омерзительное, немислимое! – и не представлял, что дальше с ним делать. Что за кунсткамера, о, все черти Иеронима Босха, что за психушка! «Господи, да зачем это! Зачем это?!» – колотилась изнутри о череп, как шарик в арканоиде, резиновая мысль.

Он вернулся на кухню. Подняв валявшуюся на полу кружку и быстро вытерев лужу разлитой воды, он взял зубочистку и слегка ткнул ею в чужую щеку – ничего. Сам он ничего не почувствовал, та голова тоже ничем не откликнулась на укол. Взгляд мгновение задержался на торчащих из держателя рукоятках кухонных ножей. Илья крепко потер лоб и выключил свет. За окошком едва заметно примерялся к миру рассвет, сумерки разжижали густую краску ночи. Негромко шумел в ледяной глубине своего нутра ворчливый холодильник. Двоящееся дыхание сливалось в темноте с этим глубинным гулом. Ярко светились четыре цифры на микроволновке. Последняя сменилась – раз, и другой, и третий. Время мерно и неуклонно прокладывало себя вперед – везде, неподалеку, здесь. В полумраке Илья достал из шкафчика не так давно початую бутылку коньяка,

Илья, он накопил большой запас от заказов – года два откладывал на первый взнос за новую квартиру, где можно было бы наконец жить им уже вместе с Машей... а там и втроем, и вчетвером. Но теперь, похоже, ипотека ему вряд ли понадобится. И на этот свой эн-зэ даже без копейки будущих доходов он запросто протянет год, а то и дольше. К тому же без доходов он остаться не должен – работа у него была дистанционной, личной встречи заказчики почти никогда не требовали. Продукты, книги, другие покупки – курьером. С бесконтактной доставкой. Платежи – онлайн. Курить он давно бросил. По алкоголю на дом у него имелось сразу несколько серых решений. Единственным, пожалуй, что по-настоящему крепко привязывало его к миру за пределами маленькой квартиры, оставался мусор. Мысли о том, чтобы показаться с мешком бытовых отходов в теперешнем своем виде в парадном и во дворе, Илья не допускал. Но и тут, кажется, могла для него найтись лазейка. У председателя надо будет взять телефон дворника и договориться с тем, чтобы ежеутренне забирал оставленный у двери на площадке мусор. Разумеется, не безвозмездно. Старика Умара он знал не первый год, раскланивался с ним всякий раз при встрече и надеялся, что тот не откажет в помощи, особенно если Илья скажется больным, неходячим, да что-нибудь там можно будет придумать.

Тревожила его, получается, только проблема с Марусей. А, ну да, еще отчим – но о Марке он беспокоился меньше, чем о мусоре. А Маша ведь не станет даже слушать, непременно сразу же вызовет неотложку, поедет с ним в больницу, будет настаивать на операции, ампутации – что там они с врачами придумают. А этого нельзя. Этого нельзя – твердо был уверен Илья, сам не зная, откуда, собственно, у него взялось такое знание. Значит, и Маши – как бы оно ни было тяжело – больше нельзя.

Но это завтра. И все – завтра. Сегодня ему придется привыкать и осваиваться. А уж затем наступит после – постепенно, впрысками, не сразу. Надо будет записать новый выпуск подкаста. И начинать наконец следующий фаум. И еще надо будет найти хозяина сегодняшнего сна, который, покусывая краешки сознания, не давал ему покоя.

5.

С собой у Маруси был только рюкзачок ручной клади, поэтому спустя четверть часа после того,

как самолет сел в Пулкове, она уже ехала в такси. Из ее головы исчезли и далекий родительский дом, где она провела последнюю неделю, и отец с мамой, и брат, и Настена, и похороны бабушки, и предстоящее в понедельник собеседование – оставалась там одна только растущая опухоль тревоги за Илью с его раздражающим исчезновением.

Прежде мужчины не слишком ее беспокоили. Не то чтобы за двадцать пять лет своей жизни Маша вовсе не привлекала их внимания. Однако оно всегда оказывалось эдаким ненавязчивым, пробным, небрежным: «да – да, нет – нет». И всякий раз ей беззаботно удавалось повернуться как-то так, что внимание это легко отскакивало от нее, скользнув лишь по касательной – и улетающая дальше, к новым предметам мужской заинтересованности, ведь, слава богу, Мария Бестужева была не единственной девушкой на свете. Да и не самой привлекательной, пожалуй: высокая, сероглазая, с хрупкими русыми волосами, тонкими губами и простоватыми, но правильными, может быть, ангельскими чертами лица – только вот совсем без женской изюминки, без вишенки улыбки, без ароматной ауры обаяния. Замкнутая, причудливая и очень худая, полупрозрачная какая-то вся на свет. «Я вот даже не знаю, Лиза, кто из вас кого играет: человек персонажа или персонаж человека, – а?» – сказал ей Илья вечером в кафе в тот день, когда они познакомились.

Это произошло летом после ее третьего курса. Тогда случились трудности с деньгами, долго рассказывать, и она попробовала найти подработку на каникулы. Помыкавшись по офисам – кому-то не пришлось по нраву она, кто-то не пришелся ей – Маша, всегда трепетно любившая театр, подалась в уличные аниматоры.

– На императрицу-то ты ну вообще не тянешь, – покачав головой, задумчиво сказала хозяйка-вербовщица в конторе, ежедневно выпускавшей на питерские площади и проспекты полтора десятка пар венценосных спутников: Петров Великих с Екатеринами (то ли Первыми, то ли Вторыми, тоже Великими – тут было сразу и не разобрать). – С фактурой, конечно, совсем беда.

– А кем можно? – кротко спросила Маруся.
– Ну кем... – протянула хозяйка. – Не знаю кем. Для барабанщицы соблазнов в тебе маловато. Да это, в общем-то, и не наш профиль. И пары для тебя нет. Не знаю. До завтра подумаю

я, в кого нам тебя наряжать. Теперь. Условия такие: половина кармана твоя, половина – в кассу. Ничего не крысить, с этим строго. Реквизитом обеспечиваем, за платье – полторы в неделю, залог – пять. Можешь свое принести, не возбраняется. Пудры-помады свои. За фото берешь пятьсот с человека, если больше двоих – можно со всех тысячу. Как внимание привлечь, тонкости контакта, как со жмотьем себя вести – это завтра тебе девчата расскажут. А дальше все в твоих руках, милая. Приходи к девяти, в половине десятого уже идти на точку. Обед один час, к восьми вечера выручку в офис. Можно позже, если клиент косяком идет, только позвони предупреди. Контролеры периодически приглядывают, так что в образе особо не хулигань, много не кури, не прохлаждайся. Если заказы на какие-то мероприятия развлекательные – все только через меня, никакой самодеятельности.

– Хорошо, – ответила Маша, – поняла. Я мало курю.

До завтра она все придумала сама. Неожиданно вспомнила, как в позапрошлом году писала доклад для конференции о девических стихах Елизаветы Кульман. Эта девочка из семьи обрусевших немцев жила на Васильевском острове в начале девятнадцатого века, с детства владела одиннадцатью языками и на нескольких из них: немецком, русском, итальянском и французском – писала стихи. Когда падчерице воображения исполнилось тринадцать, ее наставник Карл Гросгейнрих передал тетрадку с Лизиными немецкими, итальянскими и французскими стихами своему приятелю, знакомому с самим Гете. Через несколько месяцев с письмом от этого приятеля они получили ответ гения: «Объявите молодой писательнице от моего имени, от имени Гете, что я пророчу ей со временем почетное место в литературе, на каком бы из известных ей языков она ни вздумала писать!» Увы, у ехидной судьбы был собственный умысел в отношении девочки. За неделю до чудовищного петербургского наводнения ноября 1824 года Лиза сильно простудилась на свадьбе брата. В тот холодный ненастный день после венчания она, небогато и легко одетая, долго дождалась на паперти церкви кареты, что должна была отвезти ее к молодым. Назавтра у нее началась сильная простуда. А неделю спустя ужасы сокрушительной стихии окончательно истерзали чувствительную и впечатлительную натуру девушки. Простуда ее переросла в чахотку, и через год Лиза умерла от болезни –

семнадцати лет и четырех с половиной месяцев от роду. Сочинения ее были изданы стараниями Гросгейнриха лишь восемь лет спустя.

Трагический этот образ вновь показался Маше чудно близким. В нем-то и было решено явиться назавтра пред ясны очи питерских туристов. Русских стихов еще со школы ее память хранила наизусть с избытком – останется для полного вживания выучить несколько собственных русских и немецких стихотворений бедной Лизы плюс перечитать в ближайшие дни в Публичке книги, с которыми Маша работала тогда над своим докладом. Что там было? Статья профессора и цензора Никитенко «Жизнеописание девицы Елизаветы Кульман» в «Библиотеке для чтения» да сочинение того самого наставника-немца Карла Гросгейнриха «Елизавета Кульман и ее стихотворения».

